

от 17 ФЕВ 1970

В ГОРЬКОВСКОМ театре драмы с начала сезона работает новый актер — народный артист РСФСР Степан Петрович Ожигин. Пока он успел показаться горьковским зрителям лишь в двух ролях: Актера в спектакле «На дне» и председателя колхоза Кузьмы Мефодьева в спектакле «Мое сердце с тобой» (по пьесе Ю. Чепурина). Хотя и немного, но достаточно для того, чтобы понять, что мы встретились с самообытной и сильной творческой личностью.

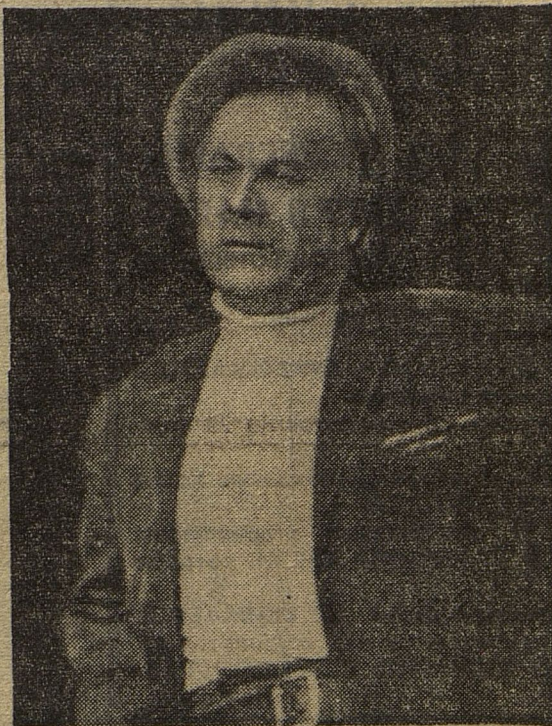
За плечами артиста — большой жизненный и творческий опыт, работа во многих крупных театрах. Но главное — характер его творческих работ, особая их направленность, та «изюминка», благодаря которой актер стал широко известен, а одна из его ролей в Воронеже — образ поэта Алексея Кольцова в драме В. Кораблинова — прославила ее создателя по всей театральной России. Критика отмечала, что в этой роли актер выразительно передал поэзию души русского человека, неразрывность его судьбы с судьбой народа.

Такой же русский, национальный характер, душевный размах и силу чувств, самоотверженность и благородство находил актер в образе Максимова («За тех, кто в море» Б. Лавренева), матроса Алексея («Оптимистическая трагедия» В. Вишневского). Одновременно его интересовала и другая сторона душевной жизни сценических героев — трагическое мироощущение, одержимость какой-то страстью — до иступления, до кризиса и катастрофы. Поиски в этом плане привели С. П. Ожигина к интересным решениям в ролях Алексея Ивановича («Игрок» Ф. Достоевского) и Лузгина («Фальшивая монета» М. Горького).

Дебют на горьковской сцене был очень трудным: войти в сложившийся и устоявшийся спектакль «На дне» и дать, не нарушая общего плана решения, какое-то свое истолкование трудной роли Актера — такая задача по плечу лишь настоящему мастеру.

Перед нами — больной, опухший, оборванный «бояк», из той страшной породы «бывших людей», которых Горький ввел в литературу как «вещественное доказательство преступления» правящих классов. Бывший... Но кем он был? Провинциальным актером, маленьким, неизвестным. Значит, мечтал быть первым, мучительно завидовал премьерам и т. д. И вот готов шаблон: дикий ложный пафос, крик, надтреснутый голос... Неудавшийся Карагын, спившийся Мамонт Дальский... Нет! Ожигин играет совсем другое: роб-

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ДОБРОЕ
НАЧАЛО

НА СНИМКЕ: С. П. Ожигин в роли Мефодьева
[«Мое сердце с тобой»].

Фото В. ПОЛОНСКОГО.

кую, нежную, застенчивую, бескорыстную любовь к искусству. Афишку со своим актерским именем его герой прячет на груди не просто потому, что суеверен и не хочет «потерять имя», а скорее как что-то святое и личное, к чему нельзя допустить чужие, холодные руки. И доброта настоящая есть, и душа (талантлив, наверное, был, просто «не повезло»), и горе какое-то простое, трогательное, и даже самоубийство — не результат душевного распада, а просто — ну дальше же невозможно терпеть, и жить незачем!

И так ведь еще страшнее: уходит не «живой труп», а хороший человек, поэтичный и добрый, которого толкнули на дно и сплели для него веревку жадные руки «хозяев». В социально-философском плане спектакля эта партия звучит сильно и взволнованно.

Председатель колхоза Мефодьев — человек сложной судьбы. Театр наш взял последний из многих вариантов пьесы, в нем сохранились лишь намеки на прошлое героя: был клоуном в цирке, потом война, тяжкие раны, ушел в деревню по призыву партии и влечению души. Для сюжета — неважно, а исполнителю роли эта предыстория нужна. Ожигин на прошлое героя намекает мимоходом, осторожно, в шутку: то вяжется в пляску молодежи, то пройдет семенящей походочкой «коверного», то выкрикнет что-нибудь в манере цирковой репризы.

Но главное не в этом, а в духе артистизма, лиричности, поэзии, которым отличается натура Мефодьева, в очень тонкой интеллигентности. Есть мечта — и Мефодьев, горячий, живой, одержимый, нетерпеливый, очень неудобный в быту человек, не только страстно мечтает, но и яростно работает для осуществления своей мечты. А мечта — о новой жизни советской деревни. «Мое сердце с тобой», — эту фразу он говорит любимой девушке, но ведь она адресована скорее жизни — Родине, партии, советской деревне. Ожигин увеличивает содержательность образа — ясно дает почувствовать этот душевный размах своего героя.

Текст пьесы труден, в чем-то безличен, приходится «обыгрывать» любую паузу, делать самомолчание многозначительным, искать подтекст там, где автор явно не позаботился о нем. На помощь приходит актерская техника Ожигина.

Будем надеяться, что репертуар нашего театра поможет нам чаще видеть на сцене Степана Ожигина, узнать его возможности, поиски и свершения.

А. АЛЕКСЕЕВА.